

УДК 930:314

А.М. Малолетко

УГРЫ, САМОДИЙЦЫ, КЕТЫ – ПРЕДЫСТОРИЯ

На историческом фоне раннего заселения Сибири рассматривается этническая принадлежность носителей археологических культур (верхний палеолит – эпоха раннего железа) Среднего Приобья. Исходное положение реконструкций – все народы Западной Сибири являются мигрантами. Реконструируется место и время ранней фиксации их предков и пути миграции в Сибирь. Выявляются языковые и культурные контакты различных этнических групп. Выявляется возможная генетическая связь с ними современного коренного населения.

Ключевые слова: Среднее Приобье, раннее заселение.

История сибирского «коренного» населения обычно рассматривается в плане проживания его на территории Сибири. Но все «сибиряки» являются пришлыми – они пришли на вторую родину в разное время и из разных мест. И нередко эта первая родина остаётся неизвестной либо спорной. Ниже предпринята попытка рассмотреть досибирскую историю современных этнических групп – угров, самодийцев и кетов.

Угры. Финно-угры отделились от общих с европейцами предков раньше, чем разбились на этнические группы верхнепалеолитические племена. Появление угров в Сибири отражает начальный этап заселения этой территории человеком разумным. Процесс этот начался примерно 30 тыс. л.н. в Восточной Европе, к тому времени уже освоенной нашими прямыми предками. По крайней мере, 24 тыс. л.н. человек обитал около Воронежа (Костёнки) и Владимира (Сунгирь), в Предуралье (Бызовая; 25,5 тыс. лет). В южной части Западно-Сибирской равнины известны памятники позднего палеолита: Шестаково на берегу р. Кия (от 25660±200 до 18040±175 лет), Могочино-I (20150±240 лет), Томск (Лагерный сад, 18300±1000 лет), Волчья Грива в Барабе (14280±285 лет). В Восточной Сибири свои следы *Homo sapiens* оставил на Енисее (Красноярск, Афонтова Гора, 21 тыс. лет), в Предбайкалье (Буреть, Мальта, 18000–22000 лет).

В расовом отношении мигрирующее население было неоднородным. В Восточной Европе (Костёнки, Сунгирь) это были люди палеоевропейской (кроманьоноподобной) расы, в Сибири (Афонтова Гора, Буреть и Мальта) у них уже была заметна монголоидная примесь. Эта примесь связана не с метисацией, а является следствием расовой эволюции в ходе миграции населения из Европы в Сибирь с её более суровыми природными условиями. И вызваны они (монголоидные признаки) двумя причинами: адаптивными (приспо-

собление человека к новым природно-климатическим условиям) и генетико-автоматическими (дрейф генов). Последние в условиях изолята (горы, пустыни) или, как в нашем случае, по периферии ареала вызывают к более активной жизни рецессивные гены, отвечающие за появление монголоидных признаков. Тяготение сибирских монголоидов к западу подтверждено палеоантропологическими исследованиями. Американский антрополог К.Г. Тёрнер [1] определил, что зубы старшего ребёнка из Мальты не только близки к зубам современных и доисторических европейцев, но и очень напоминают дентальные особенности древних жителей Сунгирия и Костёнок.

Генетики считают, что финно-угры и современные европейцы имели общего предка, так как у них сходная частота встречаемости аллеля H63D. По их мнению [2. С. 85], указанный аллель у финно-угров был ещё до ответвления их предков от общего европейского ствола. Большая древность мутации аллеля H63D подтверждается присутствием его в древних популяциях Южной Азии, Аравийского полуострова и Северо-Восточной Африки. О.А. Соффер [3] видит костенковские памятники как часть большой европейской общности – Виллендорфско-Костенковской (28000–18000 л.н.). Ареал общности простирается от верховьев Дуная (Моравия) до верховий Дона параллельно южной границе ледника. Поскольку байкальские памятники этого времени (Мальта и Буреть) имеют параллели с Костёнками, а Костёнки – с моравскими (Виллендорф), можно говорить об однонаправленном перемещении населения из Европы (Моравия) на восток, в Сибирь (Прибайкалье). В результате этого перемещения обитатели поселений Мальта и Буреть оказались примерно в 7 тыс. км от расселения своих моравских предков.

На поселениях Мальта и Буреть европейского типа инвентарь сопровождался каменными фигур-

ками женщин с явно монголоидными лицами. Особенно выразительны были узкие раскосые глаза [4]. Таким образом, сибирские потомки антропологически заметно отличались от своих моравских предков. Они обладали явно монголоидными признаками, что зафиксировано на женских фигурках из Мальты. Антропологически сибирские (североазиатские) монголоиды, судя по другим памятникам, были низколицыми, чем отличались от высоколицых центральноазиатских монголоидов.

Ныне известны останки низколицых монголоидов на Алтае и в других районах Сибири. В Нижнетыткескенской пещере (с. Еланда на Катунь) погребённый, по заключению А.Р. Кима [см.: 5], принадлежал к уральской расе и наиболее близок был к хантам. Дата захоронения – от 5,4–5 тыс. л.н. Такого же антропологического типа был мужчина, погребённый в пещере Каминной (Алтай). Низколицые, слабо выраженные монголоиды были погребены на горе Кулайка (с. Подгорное Томской области). Возраст захоронения более 6 тыс. лет. В неолитических захоронениях Барабы обнаружены черепа, близкие к хантыйским [6]. Следовательно, носители уральского антропологического типа длительное время обитали в различных районах Сибири, за пределами их современной территории. Более того, некоторые материалы свидетельствуют о миграции их на Камчатку.

Давно подмечено, что язык ительменов Камчатки генетически не связан с палеоазиатскими – чукотским, корякским и эскимосским. Чужеродность ительменов подтверждается и археологическими данными. С.И. Руденко [6. С. 167] писал: «...Археологический комплекс, характерный для ительменов, не обнаруживает сходства ни с неолитическими культурами южного островного мира, ни с древними культурами Берингова моря и генетически связан с континентальной Сибирью, предположительно с неолитом Лены и Прибайкалья».

Известны этнографические параллели. Ханты Западной Сибири хоронили младенцев в дуплах деревьев. С.П. Крашенинников [6. С. 224] также указывал, что ительмены хоронили младенцев в дуплах деревьев без всякой обрядности. Ительмены, единственные из дальневосточных народов, знали запорный лов рыбы, столь обычный для коренных народов Западной Сибири. В ительменском языке имеются слова, аналогичные угорским (соответственно): ангуен – ангы ‘мать, кельк – келек ‘болото’, kov – kēw ‘камень’.

Приведенные материалы, несмотря на их фрагментарность, позволяют в ранге рабочей ги-

потезы поставить вопрос о пребывании (II тыс. до н.э.) предков угров на Дальнем Востоке.

После ухода значительной части древних угров в Сибирь оставшееся в Предуралье угорское население сформировало культуру с ямочно-гребенчатой керамикой (III тыс. до н.э.).

Самодийцы. Этноним самодийцы искусственный, это благозвучие он получил вместо самодийцев «сами себя едят», как называли русские ненцев [8]. У некоторых групп ныне ираноязычного населения пограничной зоны Ирана и Афганистана бытуют географические термины тах/таг ‘река’, которые вошли в состав гидронимов Таглакар, Тахи-Хаузак, Тахи-Чемшайн-Шорак, Тахи-Шишгор. Эти термины созвучны с самодийскими: энецк. д’ага, т’аха, нен. й’ага (й’аха), камас. ч’ага (везде с фрикативным произношением второго согласного). У ираноязычных гилян, жителей Южного Прикаспия, имеется диалектное слово бийа ‘вода’ (ср.: р. Бия), которое фонетически близко к самодийским терминам с этим же значением: энецк. би, тавг. бе, тайг., матор., карагас. бу, койб. бы (изначальная форма – бей?). В языках дари и пушту имеется термин джаба ‘болото, луговина’, а у селькупов – чаба ‘протока из болота, заросшая мхом’. Таким образом, топонимический материал образует тонкую ниточку, которая связывает самодийцев Сибири с давними (доиранскими?) жителями Передней Азии к югу от Каспия. Эта ниточка позволяет предполагать, что самодийский язык был принесён в Сибирь из Южного Прикаспия.

Перед маршем в Сибирь предки самодийцев концентрировались в Южной Туркмении, куда они мигрировали с Иранского нагорья. На рубеже III и II тыс. до н.э. вследствие резкого усиления аридизации климата начался мощный отток населения из Средней Азии. Из Южной Туркмении население мигрировало в двух направлениях: 1) в район исторической области Сеистан (низовья р. Гильменд) и далее на восток в район Кветты, где и ныне известна племенная группа кас (в талышском языке иранской группы также бытует слово кас ‘человек’, что близко к энецк. койб. каса, нен. хасава, южно-самодийским хазы, казы); 2) по северным предгорьям Средней Азии до Иртыша и Оби и по их долинам на север до лесной зоны. Долина Оби была пограничьем между культурными областями – урало-западносибирской и восточносибирской.

Физический тип современных самодийцев неоднороден. У лесных ненцев и селькупов отмечаются полные губы, у тундровых ненцев – широкий нос, у селькупов – прогнатизм, у нганасан – боль-

шие челюстные размеры. Эти признаки «привязывают» самодийцев к южной (экваториальной) расе. Но не ясны причины светловолосости лесных ненцев. Физический тип самодийцев самусьского времени не известен. Косвенно можно считать самодийским череп, найденный в культурном слое андроновского (эпоха бронзы) времени. В.А. Дремов [9] определил его европеоидные черты и близость к геоксюрским черепам Средней Азии.

В Сибири мигранты создали своеобразную культуру, названную самусьской (XV–XII вв. до н.э.) по с. Самусь (недалеко от Томска). Мигранты принесли иную традицию изготовления керамики. Это были слабо профилированные горшки с орнаментом, нанесённым палочкой, лопаточкой или зубчатым штампом. Преобладающий декоративный мотив – прямые и волнистые линии, прямые или слабоволнистые ленты. Культовые сосуды несут антропо- и зооморфный орнамент. По мнению археологов, именно этот орнамент является «визитной карточкой» пришлого самодийскоязычного населения. Самодийцы самусьского этапа как-то незаметно сошли со сцены.

В эпоху раннего железа (середина I тыс. до н.э.) заявили о себе как о исторически значимой популяции самодийцы Нарыма – носители кулайской культуры, заселявшие в основном левобережье Оби до р. Васюган.

Кулайская культура получила своё название по горе Кулайка у с. Подгорное (на р. Чая, Томская область). В.И. Матющенко [10] датировал культуру VI в. до н.э. – V в. н.э. Исходной культурой для неё служила самусьская. «Общий колорит кулайской культуры был предвосхищён некоторыми специфическими особенностями словеской и самусьской культур» [11. С. 153].

В течение нескольких сот лет кулайцы, потомки самусьцев, отсиживались где-то в тайге, вероятно, в составе носителей молчановской культуры, которая также уходит корнями в самусьскую [12. С. 151, 172].

В саровское время (II в. до н.э. – V в. н.э.) начались массовые центробежные миграции кулайцев. Причины ухода части кулайского населения несколько: 1) перенаселение, 2) экологический кризис, повлекший сокращение промысловых угодий, 3) ослабление племён Верхнего Приобья в результате походов хунну [13]. Подвигла кулайцев к миграциям, по мнению Л.А. Чиндиной [12. С. 15], и необходимость приблизиться к сырьевым центрам меди. На Алтае действительно немало известно чудских копей, но связанных с приходом кулайцев не отмечено. В эпоху их миграций уже требовался другой металл – железо.

Наиболее «продуктивными» были южные и северные маршруты, которые привели к формированию новых, устойчивых («живучих») популяций. Миграции самодийцев-кулайцев осуществлялись по долинам крупных рек.

Южные маршруты вели кулайцев по Оби в верхнее Приобье и на Алтай, по Томи – в Кузнецкую котловину, по Чулыму – в Минусинскую котловину и в Саяны. В долинах Восточного Саяна до прошлого века сохранились группы потомков кулайцев – камасинцы, койбалы, маторы, самодийцы-кашинцы, тайгинцы.

Восточные миграции вывели кулайцев на Енисей, западные – на Иртыш. Северные пути по нижней Оби способствовали заселению Я-Мала кулайцами, известными как сихиртя (сииртя). Кулайцы, ушедшие в низовье Енисея, известны как энцы. Последние, на Таймыре, смешавшись с тунгусами и юкагирами, создали группу самодийскоязычных нганасан. Особенно «плодотворным» был путь по Чулыму. Удобная для заселения долина Чулыма вывела самодийцев из таёжной зоны в леса Кузнецкого Алатау и Красноярскую лесостепь.

Этнодиагностирующими топонимами кулайцев и их потомков являются гидронимы на -бей. В Саянах это Ирбей, Бей, Танзыбей и др., за Енисеем – Арзубей, Зарзубей, Унгурбей, в Томской области – Джабейка (русифицированная форма), в низовьях Оби – Сандибей, Тамбей, Харбей и др. Объединяет эти кулайские ареалы р. Ибейка в системе Иртыша и гидронимы-тёзки – р. Харбей в бассейне Ангары, нижней Оби и оз. Харбей в заполярном Предуралье.

Языком кулайцев был самодийский камасинского типа, хорошо изученный [14].

С расселением кулайцев наступило время селькупов, но их ранняя история восстанавливается с большим трудом. Предки селькупов занимали восточный фланг общесамодийского ареала в междуречье Оби и Енисея. В силу отрыва от основного ядра соплеменников и периферийного положения они испытали сильное ассимиляционное влияние субстрата, вероятно, древнеугорского происхождения. Этим объясняются различия в их культуре и лексике, существенно отличающейся от языка ненцев и камасинцев (ретроспективно – кулайцев). В частности, от субстратного населения мигранты заимствовали слово кыге ‘речка’ (см. выше самодийские термины со значением вода). Общесамодийский этноним (самоназвание) *каса (ненцы восточных районов хасава, маторы куза/казы, хазы, койбалы, лесные ненцы, энцы и нганасаны каса, камасинцы каза/куза, тайгинцы

хаса) ‘человек’ селькупы ещё в древности сменили на заимствованное угорское (?) кум/куп/куб (ср. хант. ку/ко, манси hum ‘муж, мужчина’). Восточные финны (удмурты и коми) используют близкое слово куми ‘человек’. Селькупы в своих преданиях упоминают враждебный народ каса. Похоже, предки селькупов, изначально наиболее удалившиеся в зону тайги междуречья Оби и Енисея, испытали сильное влияние аборигенного населения, вплоть до враждебности к своим соплеменникам касам. Слово кыга ‘река (небольшая)’ было также заимствованием из языка предшественников-угров, ныне забывших его.

Кеты. В науке давно установилось мнение о большой древности кетоязычных (арины, ассаны, собственно кеты, котты, пумпоколы) племён Сибири, но археологи и этнографы не находили им место в хронологии древностей и даже в системе археологических культур. Единственное, что было принято почти единогласно, – это народ, который живёт сам по себе, и включили его в сборную палеоазиатскую семью, наравне с эскимосами и чукчами.

В начале 1970-х гг. автор принимал участие в археологических раскопках на берегах оз. Тух-Эмтор (Васюганье, Томская область, руководитель Ю.Ф. Кирюшин). Работая как палеогеограф, я заинтересовался местными географическими названиями, много времени уделял разговорам с хантами. Удивляло, что информаторы не могли расшифровать многие гидронимы, отделяясь фразой «А это не наше слово!». Особенно многочисленными «не наше слово» были топонимы, содержащие компонент игай (Томул-игай, Калман-игай, Камлин-игай и др.). Однако ещё в 1735 г. от арин Красноярского уезда было записано слово икаи ‘речка’, что невольно наводит на мысль об аринском происхождении памятника Тух-Эмтор.

Памятник Тух-Эмтор был уникальным. Уникальность его заключалась в трёхслойности. Примерно 8 тыс. лет на берегах озера появились рыболовы, охотники и собиратели. Примерно 3,5 тыс. лет назад со стороны Иртыша пришли скотоводы, которых привлекли хорошие пастбищные условия на ещё не заболоченной Васюганской равнине. Через 300 лет в связи с изменением климата и заболочиванием пастбищ скотоводы ушли. Осталось «коренное» население – рыболовы, охотники и собиратели. Вот эту археологическую аномалию – средний слой, оставленный скотоводами, автор лингвистически связал с непонятными для хантов словами.

В языке васюганских хантов имеются слова, которые выпадают из круга финно-угорских. Например, инк ‘вода’ при венг. víz, манси вит, коми

ва, удмурты ву, мари вуд, мордва вядь, карелы vezi, финны, эсты vesi. Эти лексические аномалии удалось объяснить после знакомства с дагестанскими языками. Так, хант. инк ‘вода’ в дагестанских имеются соответствия: ахв. инхе, гунзиб. энху. Термин игай также имеет параллели в дагестанских: цезский игъу, хваршинский еху, гунзибинский эху, гинухский иху. «Межгрупповой анализ выявил сходство (зубных систем. – А.М.) тагарской серии с современной серией из Дагестана...» [16. С. 410].

Однако и дагестанцы являются для Кавказа пришлым народом. Их родина в Передней Азии, а её древние жители – хатты, хурриты, урарту – являлись предками нахо-дагестанцев и адыго-абхазов. В хаттском языке и языках адыго-абхазских, хурритском и урарту имеется немало общих слов с кетскими [17]. Например, в языке кетов (в широком понимании этнонима) известно слово, которое сопоставляется с хаттским алип/алеп ‘язык’ (анатом.) [14] – арин. элп, котт. алуб в том же значении [15]. Таким образом, в истории кетоязычных народов Сибири были этапы (тысяч л.н): переднеазиатский (приблизительно 6–4), кавказский (4,5–4), уральский (4–3,5), сибирский (3,5 – ныне). В Сибири чисто «кетскими» по происхождению были культуры фёдоровская (=фёдоровский вариант андроновской общности), черкаскульская, тух-эмторская и тагарская.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тёрнер К.Г. Ребенок верхнепалеолитической стоянки Мальта // Известия СО АН СССР. Сер. истории, философии и филологии. 1990. Вып. 2. С. 50–55.
2. Михайлова С.В., Кобзев В.Ф., Курилов И.В. и др. Распространённость аллелей С282У, N43D и S365С гена HFE // Генофонд населения Сибири. Новосибирск, 2003. С. 82–86.
3. Соффер О.А. Динамика ландшафтов и социальная география позднего плейстоцена // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид: Матер. симпозиума «Первичное расселение человечества». М., 1997. С. 115–126.
4. Окладников А.П. Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита // Древняя Сибирь (Макет 1 т. «Истории Сибири»). Улан-Удэ, 1964. 739 с.
5. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Погребение из Нижнетыткескенской пещеры I (Алтай) // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск, 1992. С. 282–286.
6. Руденко С.И. Культура доисторического населения Камчатки // СЭ. 1948. № 1. С. 153–179.
7. Беневоленская Ю.Д. Расовый состав и расовоэволюционная изменчивость обских угров // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 140–142.
8. Попов А.И. Названия народов СССР. Л., 1973. 172 с.
9. Дрёмов В.А. Антропологический состав андроновской и доандроновской культур Западной Сибири // Известия СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. 1990. Вып. 2. С. 56–61.

10. Матющенко В.И. Древняя история Сибири. Омск, 1999. 232 с.
11. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. 166 с.
12. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. 256 с.
13. Чемякин Ю.Н. К вопросу о миграциях населения кулайской культуры // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 212–213.
14. Хелимский Е.А. Архивные материалы XVIII века по енисейским языкам // Палеоазиатские языки. Л., 1986. С. 179–213.
15. Иванов Вяч. Вс. История славянских и балканских названий металла. М., 1983. 198 с.
16. Гулевская В.А. Одонтологические особенности населения тагарской культуры // Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний: Мат-лы XV ЗСАЭК. Томск, 2010. С. 409–410.
17. Малолетко А.М. Древние народы Сибири по данным топонимики. Т. 2: Кеты. Томск, 2002. 286 с.